

- во, 2001. – С. 12–37.
7. Єрема А.В. Народні паремії як засіб створення комічних ситуацій // Література. Фольклор. Проблеми поетики. – К.: Наукова думка, 1994. – 82 с.
 8. Кенгс-Маранда Э. Логика загадки // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, тип). – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1978. – 320 с.
 9. Левин Ю.П. Семантическая структура загадки // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1978. – 320 с.
 10. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. – М.: Академия, 2004. – 432 с.
 11. Оглоблин А.К. Типы яванских загадок (К вопросу о соотношении формы и значения) // Паремииологические исследования. – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1984. – С. 81–95.
 12. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремииологии. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
 13. Рыбникова М. А. Наш сборник. // Загадки. – М.: Academia, 1932. – С. 224 с. – С. 6.
 14. Славянские древности. – М.: Международные отношения, 1999. – 700 с.
 15. Словарь современного русского литературного языка. – М.–Л.: АН СССР, 1955. – Т. 4. – 1364 с.
 16. Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской культуры. Загадка как текст. – М.: Индрик, 1994. – С. 10-117.
 17. Топорова Т.В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 236 с.
 18. Франко І.Я. Останки первісного світогляду в руських і польських загадках народних. – К.: Наукова думка, 1980. – Т. 26. – С. 335-343.
 19. Хейзинга Й. Homo ludens. – М.: Просвещение, 1997. – 416 с.
 20. Bestrafte Neugier. – München: Gustav Kiepenheuer, 1986. – 96 S.
 21. Brochhaus Lexikon (in 20 Bdn). – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1989. – Bd. 15. – 335 S.
 22. Brockhaus Wahrig Deutsches Wörterbuch (in 6 Bdn). – Stuttgart: 1983. – Bd. 5. – 906 S. – S. 291.
 23. Rauch K. Rätsel aus aller Welt. – Düsseldorf – Köln: Eugen Diederichs, 1965. – 184 S.

Александрова В.Г.

ЭЛЛИПСИС В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Объектом рассмотрения настоящей статьи является эллипсис/эллипс (Ø) во фразеологических единицах, понимаемый как опущение того или иного структурно необходимого и семантически значимого компонента слова, словосочетания и предложения, т.е. “перевод его в импликацию” [6, с. 229]. В первом случае речь идет о лексическом эллипсисе, а во втором и третьем – о синтаксическом.

Обычно синтаксический эллипсис различают по трем его параметрам: по конвенциональности / неконвенциональности [1], по месторасположению в структуре предложения (инициальный, медиальный, финальный [17, с. 156]), по позиции опущенного компонента (прогрессивный, регрессивный [15, с. 55]), а также по количеству пропущенных компонентов (одно-, двух-, трехместный). Все эти виды и типы эллипсиса вместе с редукцией, контаминацией, парцелляцией и пр. имеют место лишь в связи с процессами упрощения поверхностной структуры предложения и основывается на явлении обязательного окружения [6, с. 229].

Несмотря на то, что синтаксический эллипсис можно считать довольно хорошо описанным в специальной литературе, тем не менее довольно обширная сфера эмпирического материала остается все еще недостаточно изученной в контексте актуализации процессов упрощения как звучащего, так и письменно фиксированного предложения. Речь идет о синтаксически значимых фразеологических единицах, имеющих статус словосочетания (идиомы) или предложения (паремии).

Исходя из этого, основной задачей данной статьи является изучение и описание путей и способов эллипсирования смыслорелевантных элементов в структуре фразеологических единиц (ФЕ) современного английского языка. Как известно, ФЕ создаются для образно-эмоциональной оценки предметов и явлений объективного мира, уже названных в языке [2, с. 354]. Основная специфическая черта, отграничивающая их от свободных сочетаний слов, заключается в том, что в процессе общения они не создаются говорящим, а используются в виде “заготовок”, т.е. каждый раз воспроизводятся вновь как готовые единицы с постоянным составом и конвенционализированным значением [10]. В этом смысле ФЕ как бы существуют в виде специального банка данных, доступ к пользованию которыми открыт каждому представителю соответствующего лингвокультурного коллектива.

Очевидно, этот факт позволяет считать ФЕ одним из важнейших объектов молодого направления в языкознании – лингвокультурологии. Именно ФЕ являются весьма значимыми для анализа лингвокультурной специфики языка, поскольку отражают ценностные ориентации носителей определенной культуры и традиций [12]. По словам В.И. Карасика [7, с. 87], эта отрасль языкознания переживает сейчас период расцвета, одной из причин чего является прикладная сторона лингвистического знания, понимание языка как средства концентрированного осмысления коллективного опыта, закодированного во всем богатстве значений слов, фразеологических единиц, общеизвестных текстов, формульно-этикетных шаблонов и пр.

Сфера фразеологии в ее широчайшей аспектологической палитре постоянно привлекает внимание лингвистов. В грамматическом отношении она является всесторонне изученной в рамках моррисовской

семиотической трихотомии, постулирующей единство структурного [16], семантического [12; 13] и прагматического [9; 11; 12] аспектов языка. Исследователи здесь едины: парадокс ФЕ как формально неизменных единиц с доминирующим культурным компонентом заключается в том, что они обладают прагматическим потенциалом даже вне контекста. Их высшая телеология состоит, вероятно, в когнитивно-эмоциональном воздействии на адресата, поддерживаемым всем их структурно-семантическим устройством. Не является исключением в этом смысле и грамматическое оформление ФЕ.

Несмотря на то, что грамматическая аранжировка ФЕ считается достаточно изученной, тем не менее ряд вопросов, связанных с синтаксическими процессами их конституирования остается открытым. Особый интерес в этой связи представляет проблема эллипсизации ФЕ, с которой непосредственно связан вопрос о рациональности синтаксической “упаковки” лингвокультурной информации, поскольку, как считают психолингвисты [5, с. 2], не только сама ФЕ, но и эллипсис представляет собой косвенное выражение эмоций. Следовательно, можно предположить, что использование эллипсиса во ФЕ органически интегрировано в общую систему средств когнитивно-эмоционального воздействия на адресата.

2. Рассмотрение процессов фразеологической эллипсизации целесообразно проводить с учетом того факта, что фразеокорпус современного английского языка можно разделить на две категории – номинативные ФЕ (устойчивые, связанные словосочетания) и предикативные ФЕ (предложения, высказывания). К первым мы будем относить различного рода идиомы, а ко вторым – паремии (пословицы и поговорки).

2.1. Наблюдения над эмпирическим материалом показывают, что среди устойчивых ФЕ чаще всего встречаются **идиомы** (“более или менее устойчивая группа слов, значение которых рассматривается в целом, а не путем перевода отдельных слов” [18, с. 195]) с инициальным (препозитивным) эллипсисом, в которых отсутствует подлежащее (*Ø Don't give up the day job!*; *Ø Blast it!*), вспомогательный глагол-ауксилария (*Ø You know what?*), а также ауксилария и подлежащее (*Guess what?*). Нередки тут и случаи медиального (серединного) эллипсиса, предполагающего элиминацию артикля (*In Ø apple-pie order*), а также укороченные формы многокомпонентного идиоматического целого (*More holes than Swiss cheese* сокращено до *Ø Ø Ø Swiss cheese*).

Финальный эллипсис можно проиллюстрировать на примере идиомы *A stitch in time Ø Ø*, в которой опущены два смысловорелевантных компонента (*saves nine*), что переводит пословицу *A stitch in time saves nine* в разряд идиом. Стало быть, переводя предикативные конструкции в разряд полупредикативных и, наоборот, даже в разряд номинативных, эллипсис может иметь своим следствием изменение синтаксического статуса ФЕ. Тем самым он имеет во идиоматических словосочетаниях деривационно значимый характер. Об этом, в частности, свидетельствует и наметившаяся в последнее время тенденция к уменьшению количества слов, используемых во ФЕ [14, с. 46].

Таким образом, эллиптический дериват пословицы (clipped proverb) оказывается трансформированным в идиому, значение которой отличается от значения исходной пословичной формы. Именно благодаря эллипсису, например, десяти- или девятисловные паремии могут сокращаться до четырех-, пятисловных идиом. Ср.: *Two's a company (three's a crowd)*; *Better the devil you know (than the devil you don't; A jack of all trades (but a master of none))*.

Во ФЕ-идиомах встречаются и случаи эллиптической субстантивации по модели *pars pro toto* – замены существительного прилагательным или числительным, берущих на себя роль всего “словосочетательного” комплекса, в состав которого они входят (*The blind Ø leading the blind Ø*; *It takes two Ø to tango*). Больше того, именно благодаря эллипсису некоторые идиоматические конструкции могут становиться непредикативными и функционировать в речи как междометия (*Ø Ø No way!*; *There, there Ø!*; *And how Ø!*).

Идиоматические конструкции редко представляют собой сложные синтаксические образования, поэтому случаи с прогрессивным эллипсисом (*Go in one ear and Ø out the other*) достаточно редки, а регрессивный в идиомах вообще не встречается.

В целом же эллипсис в идиомах – фразах-заготовках с четкой лингвокультурной маркировкой смысла – однозначно “работает” на усиление эффекта образности при кодировании когнитивно и эмотивно значимой информации. Поскольку эллипсис непосредственно связан с эргономическим фактором [4], то он всегда используется в идиомах там, где имеется возможность устранения избыточности и/или чрезмерности вербальной “упаковки” смысла.

2.2. Как представляется, лингвоэргономическую основу имеет и эллипсис в **паремиях** – пословицах и поговорках. Здесь в сферу действия процессов упрощения попадает, в первую очередь, предикативный каркас паремического высказывания, т.е. его структурно-логические и функционально-семантические конструкты, а точнее один из них – либо предикатный, либо субъектный, но не оба вместе. Правда, в таких случаях иногда наблюдается двойное опущение некоторых интродуктивных компонентов высказывания типа *there* (*Ø Ø No sweet without some sweat*) или *it* (*Ø Ø Bad to do evil but worse to boast of it*), что позволяет говорить о двучленном эллипсисе. Но с учетом того, что ни *there*, ни *it* не имеют предикативного статуса, эллиптический фокус все равно оказывается направленным на предикат, т.е. на один из конструктивно значимых членов предложения.

При опущении предикативного компонента паремического высказывания не наблюдается каких-либо семантико-функциональных ограничений относительно его типа или характера. Это могут быть глагольные единицы как ауксиларного, так и полнознаменательного, а также финитного и нефинитного характера, что со структурно-семантической точки зрения можно расценить как разрушение системно и нормативно заданной двусоставности английского предложения в паттерне S – V – O [3]. Тем не менее опущение глагола *to be* в паремиях *The greater Ø the sinner, the greater Ø the saint*; *More money, Ø more sin* хоть и

приводит к нарушению их бинарного предикативного устройства, не воспринимается как грамматическая аномалия. Наоборот, оно как бы способствует гармонизации смысла паремического целого. Аналогичное явление имеет место и тогда, когда глагол *to be* используется в значении *to exist* (ср.: *One law Ø for the rich and another Ø for the poor*).

В паремиях имеет место эллипсис и других смысловых глаголов и глагольных форм. Структурно-семантическим прообразом этого явления можно считать модель **S – V_Ø – O**. Так, в пословицах *Pretty face Ø, poor fate* и *A good lawyer Ø, a bad neighbour* довольно легко восстанавливаются *to mean* и *to give*, в *Ø In for a penny, Ø in for a pound*; *Ø Early to bed, early to rise makes a man healthy, wealthy and wise* – глаголы движения, а в пословицах *Needs must Ø when the devil drives*; *No living man all things can Ø* – инфинитивные формы *do, manage, act*.

Как видим, элиминирование глагола-сказуемого в паремических высказываниях происходит там, где он либо максимально десемантизирован, либо там, где его лексическое значение теряет свою денотативную конкретику. И тут возникает вопрос о том, что произошло бы с пословицей в случае восстановления в ней пропущенного глагольного компонента?

Элементарные трансформации на подстановку (*No living man all things can do/manage*; *A Pretty face means a poor fate*; *Going early to bed, means early to rise makes a man healthy, wealthy and wise*) показывают, что реконструкция опущенного глагольного компонента не извращает смысл пословицы, но при этом приводит к ее разрушению как некоторой образно-специфической единицы – к потере ею своей выразительной силы, а иногда и рифмы. В этом случае можно говорить о переходе пословицы в статус нефразеологической единицы и тем самым о деградации ее функционально-семантического своеобразия.

Такие же явления наблюдаются и в паремиях с эллиптированным подлежащим (модель **S_Ø – V – O**). Чаще всего опущение субъекта действия (агенса) имеет место в паремиях императивного характера (*When at Rome, Ø do as Romans do*; *Ø Never quarrel with a woman* – отсутствует местоимение 2 л. ед. ч.) или в паремиях с элиминированным относительным местоимением *who* (*Ø Ø Always a bridesmaid, Ø never a bride*; *Ø Ø Soon hot, Ø soon cold*). В этих и подобных пословицах нет прямого обращения к адресату, а их пропозитивная информация сообщается не конкретному собеседнику, а как бы обезличенно – всем вместе и никому в частности.

Деперсонализация агенса путем эллипсизации коммуникативно релевантного местоимения может быть связана с эпистемическими установками, т.е. с фактором знания. Е.С. Кубрякова небезосновательно утверждает, что в языке все окутано таинством знания / незнания в самых невероятных его проявлениях [8, с. 15]. Очевидно, отсутствие артикля в субстантивных блоках паремий (*There is no pride like the pride of Ø beggar grown rich*) следует считать результатом эллипсизации в контексте незнания / нежелания адресанта конкретизировать (эпистемически маркировать) ту или иную субстанцию. В этом же ряду находятся и случаи эллиптической субстантивации (*The wise Ø is only once betrayed. The envious die Ø, but envy never*), где прилагательное с определенным артиклем (*the wise, the envious*) заменяет конструкцию “прилагательное + существительное” (*the envious people, the wise men*).

Поскольку паремии представляют собой коммуникативно самодостаточные высказывания, для них релевантными оказываются те же самые закономерности линейного развертывания процессов эллипсизации, что и для нефразеологизированных предложений. Здесь имеют место и прогрессивный (*Gold is tested by fire, men Ø by gold. Ceremony is not civility, nor civility Ø ceremony. A wise man changes his mind, a fool never will Ø*), и регрессивный (*As the mother Ø, so is the daughter*; *Ø Try before you trust. Ø Ask a silly question and you get a silly answer*) эллипсисы. Оба эти разновекторные синтаксические процессы релевантны как для подлежащего, так и для сказуемого. При этом эллипсис дополнения **S – V – O_Ø** встречается в паремиифонде довольно редко (в нашем материале всего один пример: *He who is ignorant of foreign languages knows not his own Ø*).

Как представляется, когнитивная сила прогрессивного эллипсиса оказывается выше силы регрессивного. Если первый встречается даже в пословицах и поговорках, в которых опущены оба главных члена предложения (полностью или частично) по модели **S_Ø – V_Ø – Cs** (*Ø Ø Fond of lawsuits, Ø little wealth*; *Ø Ø fond of doctors, Ø little health*), то второй вообще в них не фиксируется. В любом случае, значимое опущение сразу двух предикативных конструктов не вкладывается в когнитивно-семантический алгоритм процессов эллипсизации в паремических высказываниях. Об этом свидетельствует и тот факт, что во фразеонде английского языка такие паремии встречаются крайне редко.

Напротив, в паремиях довольно часто фиксируется двучленный и даже трехчленный эллипсис, но при этом в его орбиту попадает, как правило, только один главный член. Тут встречаются такие комбинации: подлежащее + второстепенный член (*If you want to know the value of money, Ø try borrowing some Ø*), часть подлежащего + часть сказуемого (*None thinks the great Ø Ø unhappy*), подлежащее + часть сказуемого / глагол-связка (*Ø Ø Once bitten, Ø twice shy*), сказуемое + второстепенный член (*Youth supplies us with colors, age Ø Ø with canvas*).

Эллипсис сразу нескольких конструктивных компонентов паремии ведет к тому, что процесс кодирования ее рационально-образного смысла “перекладывается на плечи” ее эксплицитных компонентов. Тем самым рациональное и эмоциональное начала паремии оказываются детерминированными взаимодействием имплицитного и эксплицитного. Именно на волне этой структурно-семантической диффузии осуществляется гармонизация текстовой ткани пословицы – интеллектуальная глубина, утонченность мысли, специфическая аранжировка формы, т.е. создается тот неповторимый этнокультурный смысл, который так трудно поддается перекодированию средствами других языков.

3. Подводя итог сказанному, отметим, что эллипсис суть процесс упрощения поверхностной струк-

туры предложения, не затрагивающий его глубинной сущности. Поскольку эргономическим субстратом эллипсиса является стремление к экономии языковых ресурсов, то он имеет широкое распространение не только в сфере обычного предложения, но и в сфере фразеологических единиц – идиом и паремий.

В идиомах эллипсис оказывается значимым при опущении неполнозначительных слов – ауксильярных, артиклей, коммуникативно ненагруженных местоимений, а также при замене существительных их адъективными или нумеративными субститутами. Нередко такие трансформации приводят к изменениям синтаксического статуса ФЕ, переводя предикативные единицы (паремии) в разряд номинативных (идиомы). В пословицах и поговорках эллипсис приобретает системный характер, поскольку в сферу его действия втягиваются три основных структурно значимых и валентностно обязательных компонента английского предложения – подлежащее, сказуемое (регулярно) и дополнение (нерегулярно), которые могут опускаться в рамках всех позиционно заданных моделей эллипсизации.

В целом же процессы эллипсизации в структуре фразеологических единиц английского языка полностью вписываются в идею Н. Хомского об изменчивости поверхностной и неизменности глубинной структуры предложения. Именно этим можно объяснить отсутствие сложностей с декодированием опущенных ФЕ, где все смысловые релевантные слова остаются вне сферы действия элиминации, т.е. попросту не подлежат сокращению, а фиксированный порядок слов позволяет удерживать фразеологизм в рамках системно заданных параметров английского предложения. Очевидно, в ряду других синтаксических процессов упрощения и расширения структуры предложения эллипсис является тем мощным синергетическим рычагом, который оберегает фразеологическую единицу от энтропии и разрушения.

Предложенный структурно-семантический анализ фразеологических единиц английского языка позволяет предположить наличие такого синтаксического явления, как эллипсис и в остальном лингвокультурном фонде, например в афоризмах, крылатых словах и выражениях, что в перспективе может послужить объектом специального лингвокогнитивного анализа.

Источники и литература

1. Безуглая Л.Р. К проблеме классификации эллипсиса (на материале немецкого языка) // Нова філологія. – 2005. – № 2 (22). – С. 10-16.
2. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
3. Буніятова І.Р. Еволюція гіпотаксису в германських мовах (IV – XIII ст.). – К.: ВЦ КНЛУ, 2003. – 327 с.
4. Гетьман З.А., Архипович Т.П. Лингвистическая интерпретация понятия эргономики // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1999. – № 4. – С. 7-14.
5. Долинин К.А. Стилистика французского языка. – М.: Просвещение, 1987. – 303 с.
6. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
9. Прутчикова В.В. Семантико-функціональні особливості німецьких висловлень-прислів'їв: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Харківськ. нац. ун-т. – Харків, 2003. – 20 с.
10. Селиванова Е.А. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти). – К., Черкаси: ЧДУ ім. Б. Хмельницького, 2004. – 276 с.
11. Сидоркина Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 1999. – 53 с.
12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: ЯРК, 1996. – 286 с.
13. Филипенко Т.В. Использование методов корпусной лингвистики в анализе семантики идиом (на материале немецкого языка) // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – С. 90-97.
14. Fedulenkova T.N. Derivational tendencies in communicative phraseological units // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 1. – С. 44-54.
15. Hae-Yun Lee Ellipsen in Satzkoordinationen. Syntaktische und semantische Untersuchungen in einer unifikationsbasierten Grammatik. – Frankfurt/M. [u.a.]: Peter Lang, 1999. – 198 S.
16. Horn G.M. Idioms, Metaphors and Syntactic Mobility // Journal of Linguistics. – 2003. – № 2. – P. 245-273.
17. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber et al. – L.: Longman, 2000. – 1204 p.
18. The Oxford Dictionary of English Grammar / S. Chalker, E. Weiner. – Oxford, NY: Oxford University Press, 1998. – 448 p.

Леонтьева Е.А.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК КАК КЛЮЧЕВОЙ ПАРАМЕТР ТИПОЛОГИИ ПРЕДИКАТОВ (на материале английского и русского языков)

О семантике глаголов (предикатов) написано уже немало, однако в семасиологических исследованиях ещё нет общепризнанного мнения относительно сути таких понятий как действие, процесс, состояние. В